Культура. Пространство. Ландшафт
Владимир Каганский

***

Начну с общекультурного контекста, напомнив ряд общих мест. Современная культура хроноцентрична, темпоральна, в пространстве она чувствует себя неуютно и ведет себя агрессивно. Используя пространство как ресурс, она не усматривает в нем ценности. Примером тому — империализм в любой форме как пространственная экспансия одной (из многих) культур, перестройка и перекройка обитаемого пространства, культурного ландшафта в несравненно большей мере, нежели любой иной сферы (собственно культуры, собственности, семьи, языка и т.д.), игнорирование обществом и элитой профессиональных знаний о пространстве.
Говоря метафорически, время – метрополия, центр цивилизации, пространство — ее колония, периферия; для "советской цивилизации" это тем более верно. Лежащая на периферии культуры сфера пространства служит последним ресурсом, к которому обращаются тогда, когда в рамках основной парадигмы (прямо или косвенно связанной с дискурсивностью, временной последовательностью) не удается решать существенные проблемы; обращение к пространству вынужденно.
Такая очевидная периферийность пространства приводит к частичной или полной пространственной невменяемости, тем более и особенно — в нашей стране. Сфера пространства остается своеобразной terra incognita. Она не изучена и не отрефлектирована; пространственные языки остаются на периферии внимания. Но пространство — базисная категория, и поскольку не рефлектируется — присутствует в современной (научной) культуре как своего рода область бессознательного. Со всеми вытекающими из этой метафоры последствиями. Культура отражается в зеркале пространства, не замечая его или не "задумываясь" о качестве зеркала.
На "языке карты" созданы многие миллионы текстов, – но он куда хуже изучен, нежели уличные граффити. Наука, рефлектирующий центр рефлектирующей цивилизации, вынуждена ради прагматического самопознания глядеться в портрет карт социтирования (Ю.Гарфилд), содержательный статус которых весьма проблематичен. Примечательно распространение у методологов и исследователей науки концептуальной модели-метафоры карты, служащей им риторическим (объяснительным) резервом. Однако если бы они потрудились узнать, что такое карта или ландшафт, то иллюзия понимания исчезла бы в мгновение ока. Не говорю уж о многочисленных глянцевых "элитарных" журналах (2). Так и отечественные эпигоны французских

постструктуралистов просто затрепали категорию ландшафта, превратили его в универсальный (пустой?) символ, не обращаясь ни к понятию, ни к феномену.

Известному культурологу А. Молю удается развернуть почти механически простые схемы культуры, только представив ее пространством, его книги — в сущности, комплект карт (атлас) пространства культуры; но их семиотический статус нигде даже не обсуждается.

Ю.М. Лотман трактует культуру, в конечном итоге апеллируя к формам ее пространства, сводя чрезвычайно многое к взаимодействию центра и периферии, связывая типы культуры с особенностями ее пространства (бинарные и тернарные системы); это особенно заметно в последней книге ("Культура и взрыв").

В примерах, число которых легко умножить, общим предстает не столько обращение к пространству, сколько произвольное обращение с ним. При необходимости развернуть картину пространства с ним обращаются именно и только как с периферией, где возможен произвол, то есть насилие над материалом в силу отрицания у него собственных форм, смыслов, упорядоченностей. Пространство предстает сферой, лишенной собственной ценности (3).

***

Воля видеть единство в многообразии отдельных тел, вещей, мест, событий на поверхности Земли, в обитаемой повседневной среде выражается представлением о "культурном ландшафте". В культурном ландшафте так или иначе живут все люди, но для нашей культуры (общества) — это далекая неприметная периферия, возможно, настолько далекая, что уже невидимая изнанка. Дать очерк культурного ландшафта и передать концептуализированный образ ландшафта нашей страны — первая сквозная линия и задача книги.

Представление о культурном ландшафте дает возможность и основание понять, "прочесть" пространство нашей обыденности на определенном фоне, поместить его в концептуальную рамку и увидеть смысловой контекст. Это пространство обыденности — не только безобразная среда; оно отнюдь не бесформенно и не так уж хаотично: формы незаметны — неприятно привычны, невидим фон.

Пространство это — вполне определенное и закономерное, по-своему функциональное и целесообразное. Оно организовано жесткой мощной структурой, сращенной с государством и пронизывающей буквально все, включая и обыденность, и само "государство". Единое пространство повседневной жизни и огромной державы и названо "советское пространство". Концепция советского пространства — вторая сквозная линия; его представление в самом прямом смысле — задача книги.

Советское пространство воплощено в культурном ландшафте и есть его состояние. Но состояние это — вырожденное, почти антиландшафт. Сказанное не носит оценочного характера; "советское пространство" — термин, как железная дорога (это не дорога из железа). Советское пространство — не псевдоним и не синоним бывшего СССР или его

территории, а очень специфичный тип пространства – как ландшафтного, так и признакового, смыслового. Создававшееся как схема, проект, конструкция, советское пространство осуществилось в плоти ландшафта. Оно искорежило и трансформировало ландшафт; но организовав и пронизав его, советское пространство и само оестествилось. Его уже нельзя отделить от ландшафта и демонтировать: это структура, организующая форма ландшафта.

СССР — реализация советского пространства на 1/6 земной суши; глобальное, планетарное, единое структурно, закономерное образование, распался или распадается (как посмотреть); советское пространство куда более конструкция на его основе, ведь и атомы прочнее организмов. Советское пространство все еще прочно и — опасно.

Ныне советское пространство проживает кризис за кризисом; идущий распад СССР — кризис отнюдь не первый и заведомо не последний. Саморазрушение советского пространства — процесс внутреннее детерминированный. Это самовыявление конструкции; только распад СССР показал, как именно было устроено советское пространство, из каких частей-блоков состояло. Однако постсоветского пространства (ещё!) нет, все мы всё ещё живем в советском пространстве и "расхлёбываем" его структурную инерцию, разбираем проблемное наследство; обломки советского пространства долго будут обрушиваться на нас — не только в переносном смысле. Именно потому, что советское пространство было пространственной проекцией всей "советской цивилизации", его трудно и интересно изучать; именно потому, что советское пространство переживет СССР, его жизненно важно понять. Увы, оно очень мало изучено; хуже того — не признана необходимость его осмыслить.

Обычно в обществе неизвестно и загадочно далекое от повседневности; мифологизирован край Ойкумены, где "живут люди с песьими головами". В нашей стране все ровно наоборот — менее всего известно свое и близкое. Обыденность, ландшафт, пространство — это экзотика. Terra incognita лежит рядом — но в ином направлении, в стороне от торных путей в прямом и переносном смысле; произошла инверсия экзотики, близкое оказалось чуждым, чуть не таинственным. "Постсоветская Россия" варится в бульоне мифов, хотя нет — в солянке, ведь бульон-то прозрачен. Мифология претендует быть методологией; методология сама мифологична. Мифология пространства — выражение его морфологии; в пору кризиса мифология громче, зато морфология отчетливее, если хотеть видеть.

Ландшафт оформлен и в той сфере его существования, которую сейчас принято называть ментальностью. Образы ландшафта, в том числе образы концептуальные, его самоописания, "автопрезентации", образы-и-мифы — его компонент, особая часть, не менее важная и не менее прочная, нежели все остальные. Это отнюдь не придаток и довесок к телесности ландшафта, напротив: большинство людей живет именно и прежде всего в этой реальности образа, мифа; для большинства людей фазовое пространстве жизненнее ландшафтного. Собственно в ландшафте мало кто живет. Персонаж "автор" — житель ландшафта; тексты — рассказы путешественника по миру ландшафта.

12 декабря 2000 г.

---

1. В этом контексте интересна мысль Б.Гройса о том, что непреодолимая тяга Запада к России, стремление разгадать "загадку России" — в сущности, затянувшийся сеанс психоанализа; а ведь "бескрайние просторы", т.е. пространство России является одним из основных компонентов западного – да и российского – мифа России.

2. Именно таков "Дизайн ландшафта", где ландшафт понимается исключительно как обустраиваемое пространство между стенами зданиями и границами земельного участка.

3. Лишний раз удостоверился в этом на "ярмарке интеллектуальной литературы NON FICTION — 2". Десятки издательств, масса книг — ни одной карты, атласа или книги по реальному пространству России; а ведь происходит величайшая ландшафтная революция, даже мировые войны не меняли ландшафт сильнее и быстрее.

Методологическая Баннерная Сеть

| К началу сайта | Архив новостей | Авторы | Схема сайта | О сайте | Гостевая книга |

!-- /HotLog -->